

18+

Наталья Артамонова

РЫЖЕЕ СЧАСТЬЕ

Сборник рассказов

Наталья Артамонова

Рыжее счастье. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Артамонова Н.

Рыжее счастье. Сборник рассказов / Н. Артамонова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536779-2

Что может быть нежнее рук матери? А вкуснее хлеба, только что испеченного в печи? А что страшнее войны и потери любимого человека? Что научит лучше всяких учебников? Эта книга расскажет вам о силе любви и человеческого духа, о добрых сердцах и житейской мудрости.

ISBN 978-5-00-536779-2

© Артамонова Н.
© Издательские решения

Содержание

МАТЕРИНСКИЕ РУКИ	6
РЫЖЕЕ СЧАСТЬЕ	8
УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ	11
МАЧЕХА С МАТЕРИНСКИМ СЕРДЦЕМ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рыжее счастье
Сборник рассказов
Наталья Артамонова

© Наталья Артамонова, 2021

ISBN 978-5-0053-6779-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАТЕРИНСКИЕ РУКИ

Нежнее загорбевших, мозолистых, потресканных, сухих, морщинистых, шероховатых рук я ничего не видела.

Это руки матери, это натрудившиеся, сильные руки моей мамы. И сила не физическая в этих руках, а сила нежности, сила любви, сила понимания, сила притяжения. Можно все забыть, любые поступки, любые лица, любые происшествия в своей жизни, только руки матери не забыть никогда, сколько бы лет тебе не было. Эти руки не видели маникюра, ноготочки не видели лака. Перчаток и то при работе не видели, разве только большие холщовые рукавицы, когда дело касалось тяжёлой, мужской, грубой работы. Но сколько в этих руках нежности.

По сей день вспоминаю, когда положишь на грудь мамы голову, и она своей рукой гладит по голове, жалеет спину, то невзирая на возраст превращаешься в ребёнка. Кожа рук мамы пропитана запахом хлеба, русской печкой, и домашним теплом и уютом. Так бы и сидела, не отрывая своей головы от материнской груди.

Руки были маленькими, но казались такими всеобъемными, что когда она проводила по волосам, тут же и по спине, тут же и обнимет, тут же и по плечам проведёт, приласкает, прижмет к себе, то чувствовалась могучая сила маленьких, мозолистых рук. Вдыхая родной запах от рук, от груди, от ситцевой кофточки, от платка на голове мамы понимаешь, вот оно счастье, вот оно родимое счастье, и это счастье ты можешь обнять, понюхать, прижать к себе. И это счастье – мама.

С какой нежностью вытирали эти руки слезы с моего лица, я помню, несмотря на их шероховатость они казались такими мягкими, такими ласковыми, хотелось, чтобы мама вытирала и вытирала с щёк слезы, и поэтому я редела долго.

Я не помню, что бы мама кого-то из своих детей била, если только лёгкий шлепок, и то он казался лёгким прикосновением, так одно название, что шлепок. Но если мама молча указывала указательным пальчиком, покачивая им, все было понятно, что-то, где-то набедокурил.

Руки обладали какой-то неопишуемой силой, когда приболеешь, стоит только матери положить руку на больное место и боль уходит, ушибленные колени после поглаживания материнской рукой тут же переставали щипать. Помню, однажды заболел зуб, мама положила ночью свою руку на щеку, и я уткнулась в неё, заснула, засопела, и так было хорошо, сладко, так было тепло, чувство какой-то защищённости этой руки осталось навсегда.

Недаром в народе говорят: «У тебя, что ли, рук нет?», если что-то не получилось, «Руки всему голова».

Помню, как мама показывала выполнять работу, неважно какую, но она всегда говорила: «Берись твёрже и никакой работы не бойся, распредели только правильно силу». Я, только повзрослев, поняла, что это значит.

Я помню, мама, ты всегда говорила: «Что бы ты ни делала, научись делать руками так, чтобы не переделывать, береги свои руки и время». Помню огороды по 25 соток, выкапывала с мамой картошку, и она без перчаток, так лопатой работала легко, быстро, и мне захотелось, глядя на неё, взять лопату в руки. Тут же набила мозоль и говорю: «Мам, какая земля тяжёлая». Она протянула свои ладони и сказала: «Посмотри на мои руки, тут вековые мозоли, как подошва, им никакая лопата не страшна, а земля не тяжёлая, это ты слабая, но не дай Бог вам такие руки иметь. Не хочу, чтобы ваши руки не знали отдыха, чтобы поднимали такие тяжести, не хочу, чтобы видели они лютый мороз и ветра». Помню, взяла в свои руки мои ладошки и поцеловала мозоль.

Нежные, чувственные, заботливые, ласковые, красивые натруженные золотые руки, я преклоняюсь перед вами. Не хитрили вы, не увивали от работы, вы кормили семьи, вы поднимали совхозы, вы держали плуг в руках, вы сеяли и убирали хлеб, вы строили, вы не видели денег, вы не воровали, вы ценили каждую копейку, заработанную мозолями. Вы воспитывали, вы заботились, вы лелеяли и ласкали своих детей, вы – это все, нельзя вас описать, как бы не старалась я, не найду нужных слов, да и слезы мешают...

РЫЖЕЕ СЧАСТЬЕ

Чём быстрее рос Максим, тем быстрее распространялись слухи о том, что он родился не от Митьки-«Свистуна», а от рыжего Стёпки. Но, как говорится, в ногах никто не стоял и свечку никто не держал, так что думай, не думай, а знает только правду Светка. Ну а Светка, как все матери души не чаяла в своём солнышке. «Пусть трепяся языками, а мамка то у тебя я, а это уж точно, а отцы, кого не возьми, дураки дураками, хоть „Свистуна“ возьми, хоть рыжего», – сама себе говорила Света.

Как раньше выходили замуж? Одно слово, пора, было законом, в любой семье важно было, чтобы девка не засиделась долго, да чтобы с начала старшая вышла замуж, а младшей негоже вперёд старшей лезть, везде должно быть уважение к старшим, даже в замужестве.

Так и Светка как самая старшая из сестер подалась замуж за «Свистуна» особо не раздумывая. Митька все ходил всех освистывал, все насвистывал, чтобы не делал, а все свистел. Мать, бывало, спросит: «Что же это за губы? Что же это за язык? Как они не отсохнут столько свистеть?» И била, бывало, по губам и ругала – бесполезно. Вставал Митька со свистом и ложился спать насвистывал, только в зависимости от настроения мелодия свиста менялась.

После свадьбы быстро сноха отстранила свекровь от печки, от хозяйства, ухват в руки и кашеварить начала так, что свекровь нарадоваться не могла: и печёт, и варит, и томит, все успевает и все так вкусно получается, что не стыдно и гостей угостить, и самим угоститься. Свекровь смеялась: «Ну, сынок, откормит тебя жена так, что язык в рот не поместится, как свистеть будешь?» На что свистун отвечал: «Для того и женился, чтобы голодному не ходить, ты ведь только и знаешь, похлебка и картоха, а моя жена-кулинар».

Как все мужики в селе, если пили, то без меры, если работали, то до упаду, а если любили, то и не задумывались, любили ли они? Свистун как бы и любил, но не понимал, а зачем любовь? Баба видная, умелая, красивая, рукастая, ведь совсем не прогадал своей женитьбой. А насчёт честности? Бог её знает? Пьяный был и ночь-то первую не помнил, а для чего свадьба? Чтобы

и рюмки не выпить? А там уж и со счета сбился. Пьяным был редко, как на селе говорили, ему ведро надо, чтобы свистеть не одолевал. Но если не было настроения, то держись все село.

Максим родился недоношенным, да свекровь так и думала, что не доносит невестка, так как меры в работе не знала, сенокос был, так она не ждала Митьку, вилы в руки и на стог сено как заправский мужик бросала, (росли ведь без отца четыре девки) вот и косила, вот и пахала, вот и дрова колола, как её мама говорила, что надо было Светке парнем родиться.

Отношение с свекровью были очень хорошими, Нюрка за дочь её приняла, бывало, придут из бани, Нюрка посадит сноху и давай её расчесывать, волос у неё длинный был до пояса, заплетет ей косу, поцелует в макушку и скажет: «Спасибо богу, что выделил из всего села самую лучшую девушку». Так и жила Света, не знала, толи за свекровь замуж вышла, толи за Митьку. Уж больно мама её опекала, и к ребёночку ночью встаёт, и купают дите вместе, и в больницу с ней идёт каждый месяц, и по хозяйству ей запретила возиться, гнала полежать, пока малыш спит, так и жили в ладу и в радости.

Митька работал на пилораме, зарабатывал хорошо, в день получки выпивал обязательно, и уж тогда он проявлял любовь ко всем, и к жене, и к сыну, если, конечно, настроение было, а если злым приходил, то мама быстро его укладывала спать, снохе говорила, что пьяный проспится, а дурак никогда.

На селе считали, что Света вышла удачно замуж, Митька лицом удался, красивым был, высоким, сильным, только своим свистом напоминал недотепу, а Света тоже красивая, одна коса чего стоит, а уж характер, то слов нет, мудрая не по годам, терпеливая, не скандальная, опрятная, бережливая, ласковая.

Как-то заболела у неё грудь, твердой сделалась, покраснела, температура поднялась, молока много, а Максимка чуть-чуть пососет и засыпает, малоежкой был, так свекровь взялась сама отсасывать молоко, говорит: «Терпи, надо до конца сдоить и потом не запускать». Вот в таком положении и застал их Митька, глаза выпучил и как начал смеяться, чуть по полу не катался от смеха, вот тогда он и вывел из себя своих баб, кто полотенцем лупил, кто ухватом пихал. Уж ему не до смеха стало. А мать – та вообще клок волос вырвала и как с цепи сорвалась, приговаривала: «Ай ребёнка на руки взял? Ай воды принёс? Ай обнял трезвый жену? Только выпивший мог с обнимками лезть, ай подарок купил? Ай тяжести не даёшь поднять? Ай спросил, как и что?» Короче айкала долго, пока Митька, не поевши, ушёл с обеденного перерыва на работу. Он ушёл, а они друг на друга посмотрели и как начали смеяться, да так, что Максима разбудили.

После всего услышанного Митька начал исправляться, как-то посерьёзнее и внимательнее стал и к сыну, и к жене. Все бы ничего, если бы не злые языки, вот эти поганые языки и ставили под сомнения Митьку. А все потому, что Максимка рос рыжим, копна рыжих волос, на лицо копия мама, а вот волосы? Точно как у Стёпки рыжего, который ухаживал за Светой, но она отвергла его, так как мама была против их женитьбы. По жизни были врагами их деды, отцы, как по цепочке передавалась ненависть, уже и забыли из-за чего вся эта неприязнь, но марку зла продолжали держать. Конечно, Светка разорвала бы эту цепочку ненависти, но маме не стала перечить, так как особо и не нравился Степан.

У свекрови часто спрашивали: «В кого такой рыжий внучок?» А Нюрка отвечала, мол, что совсем моего отца не помните? Он же рыжим был, Максим точь-в-точь в деда. А сама Нюра отца и знать не знала и не помнила. Вот так и отмахивалась, как могла. Митька вопросов тоже не задавал, так как сам поверил, что сын в прадеда, уж больно правдоподобно мама давала сравнения внука с прадедом.

Но однажды свекровь не выдержала и спросила сноху открыто, тихо, прямо глядя в глаза: «Дочь, мы бабы каждый по своему несчастны, кого муж бьёт, у кого ревнивый, у кого ленивый, у кого гулящий, кто без вина дурак, у кого свекровь до кишок достанет своей дурью, а если ребёнок больной, так вся вина на женщину ложится, а если детей нет, то тоже жена виновата,

всю жизнь мы виновны и всю жизнь мы прислуживаем и угождаем мужьям, чтобы по морде не получать. Ты не гуляла, и честней тебя нет, и счастливей меня и сына моего нет, а если тебя обманул рыжая тварь, то не твоя вина, и ты не грешна ни перед нами, ни перед богом, ты Расскажи, сознайся, тебе же и легче станет, а Мите я ничего не скажу».

Заплакала Света, рассказала свекрови, доверилась, всю боль, весь страх, все сомнения выложила как на ладони: «Силой взял меня рыжий, от зла мстил, от обиды, возненавидела я его после содеянного им, уговаривал пойти за него замуж, но я отказала. А его ли ребёнок? Я в этом не уверена, я же через три недели вышла замуж за Митьку, простите меня».

Свекровь как могла её успокоила, вместе поголосили и к этому вопросу больше не возвращались. Как и прежде стали жить душа в душу, да и «Свистун» поумнел. Как-то мужиком стал, защитником, к сыну все больше и больше тянулся. Через три года родила Светочка-дочь, не передать словами радость мужа, свекрови, через два года опять сына. Максимка со своей шевелюрой отличался от брата и сестры, те были черненькие, а он как лисенок, и улизливый такой же, и мог схитрить, приласкаться, чтобы побегать побольше на улице. А однажды провалился в прорубь зимой, простыл и его долго не отпускали на улицу, так он свое расстройство таким свистом выражал, что все опешили, и если бабушка сына била по губам за свист, то внука целовала и говорила, свисти, мой лисенок, свисти громче, золотой мой рыжик, и плакала бабушка на удивление внуку.

А, бывало, сядут вдвоём сын и отец вечером и могли любую птицу передразнить, любую мелодию насвистеть. Бабушка смотрела, улыбалась и приговаривала: «Да уж, яблоко от яблони недалеко падает, свистун как батя, а рыжий весь в моего отца».

УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Прасковья смотрела на своего внука и хотела отвесить таких тумачков, чтобы помнил силу бабушкиного шлепка всю жизнь, хотела так ударить по заднице, чтобы загорелась огнём. И у Петра появилось бы желание снять штаны и остудить попу в ледяной воде.

В окно увидела как Петька и Ванька-ушастый подфутболивали буханку хлеба. Один нёс в сумочке, которая порвалась и хлеб выпал на землю, а другой поддал буханку ногой. Так и начали футболить вместо мячика хлеб своими ногами два сорванца.

Когда Прасковья увидела, что они пинают, словно мячик, то не поверила своим глазам. С диким криком, с воплями старалась побыстрее выбежать из дома, но получился бег на одном месте. Сначала вырвался крик из груди, а потом ком в горле перегородил дорогу словам, и к внуку Прасковья подбежала с широко открытым ртом хватая воздух, как рыба. Шипением произнесла: «Это же хлебушек, это же святое, как же так?»

Дети остолбенели, увидев, как бабушка опустила на колени и, поднимая хлеб, заплакала. Прасковья поплелась домой медленными заплетавшими шагами, прижимая хлеб к груди. Дома, увидев в каком состоянии мама, сын спросил, что случилось. По грязной, растерзанной буханке хлеба ему ясно стало без слов. Молча снял ремень с брюк и вышел на улицу. Прасковья слышала рев Петра, но не тронулась с места, чтобы защитить его, как делала раньше. Раскрасневшийся, зареванный Пётр прибежал домой и быстро скрылся на печке. А сын, размахивая ремнем, сказал, что с сегодняшнего дня Пётр жрать будет без хлеба, щи ли, суп ли, котлеты, которые он уминал по семь штук, молоко или чай: без хлеба, без баранок, без булок, а вечером грозился сходить к родителям Ушастика и рассказать, каких славных футболистов они вырастили. Отец Ивана был комбайнером, тот точно ноги укоротит своему игроку. А дед вообще, за буханку хлеба отсидел десять лет в Сталинские времена, точно отхлестает, как барин холопа.

Прасковья свежее испеченную лепешку перекрестит, поцелует, а потом с улыбкой на глазах, прижимая к своей груди, начинала резать большими пластинами. В магазине редко покупали хлеб, все время Прасковья и невестка пекли в русской печке. Выпекали сразу несколько больших лепешек. Душистый, румяный, мягкий своим ароматом обвалакивал все уголки добротной просторной хаты. Этот запах не успевал выветриваться, постоянно щекотал ноздри и будил аппетит, всегда хотелось отрезать поджаристого хлебушка и с молоком умять за милую душу.

Фёдор на самом деле сходил к родителям Ивана. Взял в руки ту буханку хлеба и пошёл. Соседи удивились, увидев такой хлеб на столе. В это время они только, что сели ужинать. Увидев Фёдора и хлеб, Иван заерзал, как на раскаленных углях. Но дед его быстро утихомирил, взявшись за его ухо. В двух словах Фёдор объяснил, в чем дело. Не долго думая, дед Митя отрезал от этой буханки большой ломоть и сказал: «Вот этот хлеб будет есть Иван, пока не поест весь, не говорю, что за день, вот когда весь съест, только тогда прикоснется к другому хлебушку». И сам тут же отодвинул нарезанный ранее, а положил вываленный в грязи хлеб перед самым носом внука.

Петька на утро к хлебу не прикоснулся. Помнил наказ отца, да и помнил, как его любимая бабушка босая опустилась на колени, плача, поднимала хлеб. Ему было стыдно до слез. Он не знал, как подойти к бабушке, как извиниться. Прасковья вела себя с внуком отчужденно, стала его не замечать. Если раньше перед школой носилась с тарелками и кружками, уговаривая поесть, то сейчас поставила кружку молока, каши тарелку и ни кусочка любимого, поджаристого, душистого хлебушка.

А Иван, тот вообще шёл в школу и скрипел на зубах песком, чуть ли не плача. Просил друга прийти и помочь поесть побыстрее тот выпачканный ими хлеб. На что Пётр ответил, что он не дурак, хватит на заднице от ремня кровавых подтеков.

Вечером Пётр подошёл к бабушке и обнял её. Прасковья как сидела с опущенными руками, так и сидела. Пётр и так и этак, и про пятёрки, и про задачи решенные только им, но Прасковья сделалась глухой. Не выдержал Пётр и заплакал. Он присел на пол перед бабушкой и положил свою голову на её колени, поднятыми руками хотел обнять свою любимую, самую добрую, самую нежную свою заступницу. Бабушка своими натруженными ладонями подняла голову внука и посмотрела в его глаза. Никогда не забудет Пётр того взгляда. Боль, обида, разочарование и жалость, словно на листке бумаги прочитал внук.

Усадив внука рядом, тихо попросила выслушать и не хлюпать носом: «Запомни, мой любимый внучок, есть в жизни очень высокий порог, через который нельзя перешагивать никогда, нигде, и ни с кем. Это: обижать престарелых родителей, изменять Родине, ругать и гневить бога, и не ценить хлеб. Я когда была ребёнком, да и в войну, да и после неё проклятушей, об одном мечтала, чтобы хлеба вволю наесться, без мякины, картошки, крапивы, чистого хлебушка, да мечтала самой его испечь, когда захотела и сколько пожелала бы. Испокон веков встречают молодых или гостей хлебом с солью. Хлеб пнуть, что матери в лицо плюнуть. В войну, бывало, побиражкам отрежешь хлебушка мякинного, а они руки лезут целовать. А вы его ногами. Ты же большой детина, вроде книги читаешь, а в голове больше соломы, чем мозгов. В войну, Петенька, каждым колоском дорожили, бывало, на коленях у бога просили погоды для уборки хлеба. Боялись не успеть за погоду убрать. Каждое зернышко ласкали, каждый пуд муки был на вес золота, а вы ногой, в грязь. Как вы могли, как только ноги не отсохли!»

Пётр опять от стыда хотел зареветь, но сдержался. Тут в самый разгар беседы, пришёл Иван, и его бабушка тоже попросила присесть и послушать. Иван рассказал, что дед сначала чуть ли ему ноги не выдёрнул из задницы, а потом внуку велел присесть и выслушать, что такое хлеб, и какое он заслуживает к себе уважение, как дорожили хлебом и как ценили его. Иван заплакал и начал просить прощения у бабушки.

Сердце не может долго kloкoтaть нa внукoв, oбнимая их, повелa к стoлу пить чай. Иван скaзaл, что eлe-eлe тoт хлeб мoжeт eсть, тaк кaк пeсoк скрипит нa зубaх, a Пётр с сoжaлeниeм скaзaл, что eму вooбщe хлeбa нe пoлoжeнo. Нo бaбушкa oт крaюхи oтрeзaлa им пo лoмтю и скaзaлa, что видит тoлькo бoг и oнa, нo oни никoму нe скaжyт, тaк что улeтaйтe свeжeнький, хрyстящий, слaдeнький, aрoмaтнeнький. Уплeтaйтe и пoмнитe, хлeб этo силa, этo Бoжий дaр, этo дoстaтoк. Хлeб вceму гoлoвa!

МАЧЕХА С МАТЕРИНСКИМ СЕРДЦЕМ

Совсем недавно отгремела свадьба. Совсем недавно собрались родственники все вместе, пели, плясали, веселились и никто даже не мог подумать, что это будет последняя встреча.

Только свекровь сидела насупившись. Уж очень ей не по нраву пришлась хрупкая, худенькая, маленькая невестка: «Да, красотой Бог не обидел, вижу, не слепая, только, что от этой красоты, что она вязанку поднимет, или ведро большое, или стог сложит, не знаю, ухват-то может в руках держать? Я всю жизнь пахала, думала, женится чертенок, уступлю место снохе, а тут не замену, а довесок в дом привёл».

Прасковья все пережевывала, все злилась, и её страдания не могли ускользнуть от Марии. Михаил успокаивал молодую жену, но в то же время предупреждал, что спуску от мамы не будет. Не любит она худых, маленьких, у неё вся сила в руках, в широкой спине, в быстрых шагах. Она ведь отца пьяного одной рукой на кровать заваливала. А лошадь станет запрягать, то конюхи в сторону отходили. За плугом шла с прямой спиной, широкие ладони крепко держали плуг и под сильными руками он выдавал широкие, глянцевые пласты земли. В сенокос, бывало, такой стог сложит за час, а другие бригадой возятся полдня, и не скирд, а стожок спят. Видимо ей бог дал силу как мужику, а нежность женщины отобрал.

Мать Марии тоже не очень-то хотела отдавать замуж дочку. Хоть и не рано по годам, но под гнет Прасковьи не желала подкладывать. Жили недалеко друг от друга, и Татьяна удивлялась нечеловеческой силе Прасковьи, ведь венцы в хате сама меняла, крышу щепой сама крыла, за плугом сама шла, стоги скирдовала сама. Какая же невестка ей будет по нраву, кто же за ней угонится? А если кто и попробует, то тут же и отстанет на смех самой Прасковьи.

Но Мария маму не захотела слушать, и зная свой характер, думала, что свекровь тоже стареет, будет с внуками посиживать, а она с любимым мужем по-своему хозяйство вести. Свекровь одна, а их двое, они её и успокоят, угомонят. «Ещё чего, из-за Прасковьи буду любимого жениха упускать», – думала Мария.

Никто не знал, что война совсем рядом, и не счастье ждёт молодых, а разлука, слезы.

После свадьбы война началась через полгода. Это время показалось Марии испытательным сроком. Михаил любил, лелеял, жалел свою женушку, и этим самым злил мать: «Ну, что за мужик, ведра воды не даёт поднять, все обнимает, все целует греховодник, ни в отца недо-тепу пошёл, видать в мать».

Прасковью привела своя мама к вдовцу, у которого умерла жена от кори. Жили с мамой в нищете, крыша, покрытая соломой, протекала, корова сдохла, лошади нет, помочь некому, хозяин помер. В зяте мама Прасковьи видела спасение от голода, холода. Она думала, чем в вековухах ходить, лучше за вдовца выйти. Мужик он робкий, пьяный тихий, корова есть, лошадь есть, а что ещё надо?

Намаявшись с ребёнком, Фёдор был рад любой замене своей жене. Оценив грубые черты лица, высокий рост, широкие плечи, Федор выдал теще вердикт: «Так уж и быть, за хозяйку сойдёт».

Две недели молчали, ни он, ни Прасковья не находили речей. Только малыш уцепился за юбку новой мамы и не отходил, просился на ручки и улыбался.

Время шло, хозяйка из Прасковьи вышла что надо, а вот полюбить мужа так и не смогла. Да и Фёдор не проявлял заботы, ласки, жалости. Прасковья, не видела радости в своей семейной жизни, единственное, что её радовало, так это привязанность к сыну, а также сыновья любовь к себе. Прасковья свыклась с ролью матери и с ролью нелюбимой жены. С сыном она могла разговаривать часами, приучала терпеливо к труду, объясняла, показывала и за его послушание крепко обнимала и целовала в макушку. Конечно, были и вожжи на плечах у Михаила, был и ремень по заднице. Два раза мать не повторяла. За бедокурство, за шалость могла опоясать так, что самой было страшно. Всегда каялась, плакала, и они оба просили друг у друга прощения.

Михаил рос красивым, добрым, отзывчивым, любящим свою маму. Когда умер отец, нельзя сказать, что они убивались. Прасковья свела ряд и сказала сыну: «Я благодарна богу за тебя сынок, я не хотела быть мачехой, я старалась быть матерью».

Её улыбка боролась с мужскими чертами лица и побеждала. Все лицо преображалась, взгляд становился ласковым, глаза излучали тепло и доброту. Появлялись ручейки на щеках, губы расплывались в очаровательной улыбке. Крепкие руки с широкие ладонями обнимали плечики сына, и, прижав голову к своей груди, Прасковья успокаивала сына тихим, но грубоватым голосом: «Сынок, время пройдет быстро, станешь взрослым парнем, женишься, приведешь красивую, статную, сильную, ух какую девушку, построим новый дом, и мне, думаю, уголок найдётся, а то, как же? Мне же надо за порядком смотреть, хотя жена у тебя будет ухватливой, проворной, но я тоже прихожусь».

Михаил покорно слушал, улыбаясь, и думал: «Красивая моя маманя, добрая, сильная, лучше всех, конечно, не дам в обиду, любить всегда буду, не то, что батя, жил рядом, а как будто его и не было, словно тень ходил за матерью, чем был не доволен, что ему не хватало?»

Время действительно быстро летело, вот и свадьба, вот и война по пятам перлась, вытаптывая все на своём пути.

Прасковья, проводив сына на фронт, опустила плечи, поникла головой, двумя руками поднимала передник и голосила в него криком. Мария неслышно подойдёт к ней, положит руку на плечо и сама, плача, старалась успокоить свекровь. Прасковья поднимала голову и говорила: «Не меня успокаивай, а молись Богу, его проси, чтобы нашу ниточку с жизнью не обрывал, Мишка-то для меня жизнь, не будет его, я тоже жить не буду, незачем, не для кого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.